

— Ты сказал, что мы собираемся охотиться на монстра, — проворчал Мирон, мой самый младший кузен, раздражённо смахивая с лица пшеничные стебли. — Ты лжец. Лио Лжец.

Весна сменилась летом, и мы шли по одной из многочисленных ферм Розовой Зари. Расположенные по другую сторону восточного горного хребта от города, сельскохозяйственные угодья культа простирались почти до побережья на горизонте, где маячило Ионическое море. Поля ячменя и пшеницы и обширные оливковые сады составляли основную часть ежегодных урожаев культа, хотя по всему ландшафту также были разбросаны небольшие фиговые сады.

Земля практически кишела рабами, и так было уже несколько недель. Был сезон сбора урожая, и этот год обещает быть обильным.

Я лениво шлёпнул своего кузена по затылку за его наглость. Он вскрикнул и споткнулся о стебли.

— Моё добродетельное сердце не потерпит таких оскорблений, — серьёзно сообщил я ему. Он надулся, стряхивая семена пшеницы со своих кудрявых светлых волос. — Особенно, когда монстр, которого я обещал тебе, прямо впереди. — Он с нетерпением посмотрел туда, куда я указывал, сжимая маленький кинжал, который носил на поясе, только для того, чтобы застонать.

— Это просто раб, — пожаловался Мирон. Вдалеке притаившийся раб методично вырезал серпом стебли пшеницы. Рядом с ним стояла высокая тростниковая корзина, в которую он складывал стебли на ходу.

— Что, по-твоему, я имел в виду под скрытым монстром, кузен? — спросил я, с весельем. Его нос сморщился, как будто я только что нанёс ему великое оскорбление.

— Что-то опасное, вроде гарпии, химеры или...

Я махнул рукой. Он перечислил бы все рассказы, которые когда-либо слышал, если бы я позволил ему.

— Ты не думаешь, что он опасен? — спросил я. К этому моменту мы уже были достаточно близко, чтобы даже Мирон почувствовал, есть ли в воздухе скрытая пневма. Он сосредоточился на рабе, который либо не слышал, как мы подошли, либо не хотел признавать наше существование. Выражение лица Мирона скривилось от презрения.

— Он не использует никакой пневмы. Я знал, что он всего лишь раб.

— Хо, тогда давай, срази его. Я прослежу, чтобы тебя за это не наказали. — Я приглашающе махнул рукой. Мирон, при всех его недостатках, не был его старшим братом - Херон не колебался бы, но он посмотрел на раба с внезапной неуверенностью.

— Убить его? — он спросил.

— Если сможешь, — услужливо сказал я. — Если только раб не слишком пугающий противник для тебя.

Он нахмурился: «Мне не нужно убивать его, чтобы доказать, что ты лжец. Наблюдай!» — С этими словами он бросился вперёд.

Пневма на шестом уровне гражданского царства мчала моего самого младшего кузена по земле с головокружительной скоростью. Раб прервал сбор урожая, чтобы встать и потянуться, и обернулся на звук топота ног как раз вовремя, чтобы увидеть Мирона, когда он прыгнул со всей грацией олимпийского прыгуна в длину, бронзовый кинжал хлестнул, словно клык змеи, к плечу раба. Это был не смертельный удар, даже с учётом силы культиватора.

А потом это и вовсе перестало быть ударом, так как раб своим серпом выбил лезвие из руки моего кузена. Мирон не успел даже озвучить свой шок, потому что раб затем схватил свободной рукой лицо мальчика и окунул его в полную тростниковую корзину.

Мы оба молча смотрели, как бледные ноги мальчика бешено брыкались. Я взглянул на скрытого монстра.

— Сол, — поздоровался я.

— Грифон.

— Как идёт сбор урожая?

— Хорошо.

Мирон взвыл от возмущения, приглушенный всеми пшеничными стеблями, в которые его запихнули. Я удивлялся, почему он просто не вырвался из корзины. Не то чтобы это требовало каких-то особых усилий с его стороны. В конце концов, он был культиватором.

Я опрокинул корзину, высыпав на землю своего кузена и приличное количество пшеницы.

— К чему было это притворство? — спросил я его с искренним любопытством. Мирон отряхивался и плевался, мятежно глядя на меня, пока он безрезультатно пытался очистить свою тунуку.

— Я не притворялся, — горячо сказал он. — Я не мог выбраться!

— Тростниковая корзина была слишком прочной для тебя? Не мог прорваться?

Он закатил глаза: «Он сильнее меня. Зачем мне ломать его вещи?»

— Мудро, — одобрительно сказал Сол.

— Он раб, — упрекнул я своего младшего кузена. — Его вещи - наши вещи.

— Но ты сказал, что он был скрытым монстром! Он отразил мою атаку!

— Это тоже верно, — согласился я. — Но он всё ещё раб. Не бойся относиться к нему как к таковому.

— Кто это? — спросил Сол, игнорируя мои слова с лёгкостью, появившейся за месяцы практики. Он опустился на колени и собрал разбросанные стебли обратно в корзину, а затем вернулся к работе со своим серпом.

— Мой самый младший кузен, Мирон Этос, — представил я его, похлопав по плечу. — Я присматриваю за ним весь день. Ты познакомился с его братом на симпозиумах. — Сол

хмыкнул, подтвердив это приятное воспоминание. — Мирон, это Солус. Он стоит больше, чем большинство других посвящённых здесь вместе взятых, но не стесняйся беспокоить его, если тебе когда-нибудь станет скучно.

— Он что?

— Кто-то доверил тебе ребёнка? — с сомнением спросил Сол.

— Естественно. Недавно он столкнулся с препятствием в своём культивировании. Мой дядя попросил меня помочь ему преодолеть это. — Я перешёл от похлопывания его по плечу к похлопыванию по голове, ловко избегая его попыток отбить мою руку. — И если я должен терпеть это, то не вижу причин, почему бы и тебе не пострадать.

— Где он стоит? — спросил Сол, и хотя он не оглянулся, в его голосе прозвучала нотка интереса.

— Гражданское Царство, шестой ранг, — разочарованно заявил Мирон. Для мальчика его возраста, всего девять лет, это был абсурдный уровень. Но для Мирона этого было недостаточно, и особенно сейчас, когда его рост, наконец, замедлился до чего-то, напоминающего нормальное культивирование на краю седьмого ранга.

— Каков твой путь?

Мирон посмотрел вниз, сжав кулаки: «У меня его нет».

Сол замер. Он недоверчиво посмотрел на меня. К сожалению, правда оказалась настолько смехотворной.

Люди культивировали добродетель, чтобы сбросить нити судьбы и взойти на гору Олимп. Каждая добродетель сама по себе была путём, по которому шёл культиватор, лестницей к небесам, которую они построили своим сердцем и душой. Если культивирование было путешествием, то добродетель была путеводным светом созвездий в ночном небе.

Теоретически можно было плыть под беззвёздным небом и достичь намеченного берега. На практике? Это было чудом, что Мирон продвинулся так далеко за такую короткую жизнь. То, что он, в конце концов, ударился в преграду, было неизбежным. Единственный вопрос заключался в том, будет ли ему позволено преодолеть этот барьер своими силами, естественным путём, или мой дядя решит вмешаться.

Сол покачал головой и встал, вытирая пот со лба и проводя пальцами по влажным чёрным волосам. По какой-то странной причине он всегда держал их короткими, стриженной по бокам почти до самого черепа и едва достигавшей длины пальца на макушке. Он также полностью побрил лицо. Римляне.

— Тогда неудивительно, — сказал он, бросая ему серп. Мирон ловко поймал его, с любопытством разглядывая сельскохозяйственное орудие. Он несколько раз перехватил его, пытаясь оценить величественную технику, которую Сол использовал, чтобы так легко обезоружить его. — Это просто серп. Даже не особо хороший. А теперь иди сюда.

Мирон посмотрел на меня в поисках подтверждения, и я пожал плечами. Он нерешительно подошёл к рабу, который снова присел на корточки и жестом попросил его сделать то же самое.

— Ты молод. Не старше десяти, я полагаю? — спросил Сол. Мирон кивнул, протянул руку, схватил несколько стеблей пшеницы и рубанул их серпом. Сол выхватил инструмент из его руки и продемонстрировал правильную форму, а затем вернул его ему.

— Когда я был примерно твоего возраста, мой отец привёл меня в легионы, и я начал познавать мир так, как не был способен в защищённых стенах нашей виллы на окраине города. — Он взял серп, продемонстрировал неправильный поворот запястья в технике Мирона, а затем правильную форму, прежде чем снова вернуть его. — Существует бесконечное количество вещей, которые человек может сделать для продвижения своего культивирования, но есть хаотический способ делать что-то, и есть упорядоченный способ делать что-то.

— Что ты имеешь в виду?

— Думай о культивировании как о морском путешествии, — сказал я, ложась на бок и поддерживая голову рукой, пока они работали. — Твоя бессмертная душа - это корабль, а ты - его капитан. Ты можешь настроить свои паруса так, чтобы ловить только попутный ветер, нанять на весла лучших гребцов и составить карту звёзд ночью, чтобы проследить свой путь. Или ты можешь пренебречь вёслами и позволить парусам свободно летать, спать спокойно всю ночь и довериться богам, чтобы они доставили тебя на небеса.

— Культиватор следует за добродетелью так же, как капитан следует за звёздами, — объяснил Сол. — Когда меня представили легионам и я увидел, как тысячи людей следуют тысячами различных добродетельных путей, я очень хотел присоединиться к ним. Они были впечатляющими, сильными и решительными, такими, каким я всегда хотел быть. Но они не стали учить меня тому, чему я хотел научиться.

— Вместо этого они научили меня играть в их игры. Они научили меня, как правильно тренировать своё тело, как оттачивать свой ум с помощью дисциплины. Они расширили мой кругозор, но не один из них не дал мне совета в моем культивировании. Ни одного.

— Почему нет? — спросил Мирон, ужасно раздражённый. Его опыт был почти таким же в культе. Однако я увидел точку зрения Сола и бросил на стол мою собственную драхму.

— Есть поговорка, которую очень любят старейшины, — размышлял я. — Молодой человек подобен щенку, который только играет с аргументом. Его легко убедить во всех мнениях и отказаться от них, пока, в конце концов, он вообще ни во что не будет верить.

— Твой отец не хочет наставить тебя на свой собственный путь, не так ли? Даже несмотря на то, что ты просил его много раз. — Солу не нужно было ждать, пока Мирон кивнёт. Он уже знал, что был прав. — Он не пытается задушить тебя. Совсем наоборот. Философия - это изучение добродетели, и это яд для ума, если у тебя нет жизненного опыта, чтобы придать ей надлежащий контекст. Твой отец не хочет душить тебя, подвергая тебя этим вещам до того, как ты будешь готов выбрать свой истинный путь.

— Тогда что мне делать? — спросил Мирон — Я больше не могу прогрессировать. Я хожу в гимнасий каждый день, посещаю дополнительные часы с инструкторами, и этого недостаточно! Что я делаю не так?

— Ты делаешь то же, что и всегда, — сказал я. Сол кивнул, поправляя позу Мирона, когда его раздражение переросло в сбор урожая. — Это чудо, что ты продвинулся так далеко, но это должно было случиться. Ты плыл без гребцов и звёзд, кузен. Будь благодарен, что ветер просто перестал дуть.

— Легионеры не могли или не хотели задушить меня, выставив на тропы, по которым я не был готов идти. Но они познакомили меня с новыми вещами. Новыми аспектами жизни, которые я никогда раньше не испытывал. Добродетель – это совершенство исполнения. И в каждом действии можно найти совершенство. — Сол взял серп и один раз аккуратно провёл им по снопу пшеничных стеблей. Мирон моргнул, небесно-голубые глаза расширились. — Ты зашёл так далеко, добившись совершенства в задачах, которые были даны тебе как молодому аристократу. Теперь тебе нужно попробовать что-то новое.

— Мы не можем дать тебе ответ, — сказал я весело. — Но ты можешь добавить к своему кораблю несколько гребцов и начать грести, пока ветер не вернётся.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3091037>